

ОСОБЕННОСТИ СЕПАРАТИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XXI В.

К. Г. Холодковский

Холодковский Кирилл Георгиевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. Эл. почта: holgrig@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отличия современного сепаратистского движения в некоторых странах Западной Европы от сепаратистских движений XX в. и от сепаратизма, наблюдающегося сейчас в Восточной Европе и некоторых других регионах мира. Автор показывает, что если в значительной части мира, а в прошлом и в самой Западной Европе, проявления сепаратизма носили радикальный, зачастую вооруженный характер, то в настоящее время сепаратистское движение в западноевропейских странах приобрело гораздо более массовый и при этом демократический, с использованием парламентских форм борьбы, характер. В статье показано, что современный сепаратизм в Западной Европе имеет в своей основе не столько этнические корни, сколько региональные интересы. Ряд регионов (Каталония в Испании, Фландрия в Бельгии, северные области Италии), обгоняющие по своему развитию другие части соответствующих государств, стремятся избавиться от бремени, которое налагает на них необходимость помощи другим регионам. Легальный, демократический характер движения и участие в нем гораздо более широких масс, чем в прошлом, не означает, однако, что все его участники реально заинтересованы в выходе из состава существующего государства и образовании нового. Скорее всего в будущем большинство сможет удовлетвориться существенным расширением автономии, если центральное правительство само не спровоцирует радикализацию настроений своей негибкой политикой. Следует различать поэтому сецессионизм как стремление последовательно добиваться независимости региона от сепаратизма как движения под лозунгами независимости, но готового удовлетвориться широкой автономией в составе существующего государства.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессия, самоопределение, этнические проблемы, Каталония, Шотландия, Фландрия, уровень развития, региональные проблемы, автономия.

События в Каталонии сделали злободневной тему сепаратизма в странах Западной Европы. Это заставляет внимательнее присмотреться к нынешним сепаратистским движениям в этом макрорегионе, к особенностям, которые заметно отличают их как от движений такого рода в прошлые времена, так и от сегодняшних движений в других макрорегионах.

Этнический и региональный сепаратизм

Апологеты сепаратизма склонны опираться на известное демократическое право на самоопределение, которое в радикальной трактовке (использовавшейся, в частности, в политике российских большевиков) истолковывалось как право на отделение и образование независимого государства. В этой трактовке оно, несомненно, входит в противоречие с другим признанным современным цивилизованным сообществом правом — правом государств на суверенитет и нерушимость границ. Поэтому современные международные правовые акты трактуют право на самоопределение как право территориальных сообществ (а не этнических групп) создавать систему управления согласно демократически выраженной воле и не в ущерб остальному населению (Тишков, 2003). Сецессия, указывают ученые, не только не разрешает этнических проблем, но может, напротив, усу-

губить их, поскольку, превращая в новом государстве бывшее этническое меньшинство в большинство, тем самым создает новые меньшинства (Горовиц, 2013).

Между тем в XX в. в Западной Европе налицо был феномен этнического сепаратизма (Северная Ирландия, Корсика, Страна Басков), проявлявшийся в радикальных формах (нелегальные организации крайне левого или крайне правого характера, заговоры, вспышки террористической деятельности и т.п.). Подобные формы сепаратистских явлений и сейчас наблюдаются в других частях света. Однако в политической жизни Западной Европы в настоящее время сепаратизм такого рода отошел на задний план. Терроризм угрожает этим странам теперь со стороны радикального исламизма. Сепаратизм же проявляется здесь в иных, более умеренных, но зато гораздо более широких и массовых формах, и преимущественно в других регионах (Шотландия, Фландрия, Каталония, Северная Италия). Его главными субъектами являются не радикально настроенные организации меньшинства, а преимущественно демократические объединения, главным образом левоцентристского или правоцентристского направления, которые обычно используют парламентские формы борьбы и претендуют на выражение интересов широких слоев населения. Такого рода сепаратизм, несомненно, намного более эффективен и сильнее угрожает единству государства.

Естественно задаться вопросом, что же привело к такому резкому изменению. В поисках ответа стоит обратиться к кейсу Каталонии. Наличие каталанского языка, значительно отличающегося от испанского, казалось бы, говорит об этнической основе сепаратизма. Однако всякий, кто постоянно проживает на территории Каталонии и употребляет каталанский язык, считается каталонцем, даже переселенцы из других мест. По выражению А. Баранова, каталонская идентичность не наследуется, а во многом конструируется (Баранов, 2015). В то же время жители Валенсии и Балеарских островов, также говорящие на каталанском языке, каталонцами не считаются. Это свидетельствует, что основа у каталонского сепаратизма иная, не этническая — скорее региональная. Какие же региональные интересы, противостоящие общенациональным, активизируют его?

Каталония — богатая, экономически более развитая область, чем другие регионы Испании. Ее экономика дает 19,5% ВВП всей страны, 24% промышленной продукции, 28% экспорта (Хенкин, 2013). Население Каталонии убеждено, что его платежи в казну помогают сводить концы с концами другим, бедным провинциям. Действительно, разница между суммой налоговых сборов и поступлениями из государственного бюджета составляет в Каталонии 16 млрд. евро (Шохина, Петрович-Белкин, 2014). Каталонцы исполнены решимости освободиться от подобного рода тягот, надеясь на уменьшение в результате этой операции налогового бремени.

Но такова же основа сепаратистских устремлений во Фландрии, в Северной Италии. Это также пространства, превосходящие по своим экономическим показателям остальную часть государства, и их население не прочь сбросить со своих плеч эту обузу. Исключением из этого ряда как будто является Шотландия. Это не самая развитая часть Великобритании. Но зато, став самостоятельным государством, она может претендовать на исключительные права по разработке близлежащих нефтяных месторождений Северного моря.

Экономические факторы оборачиваются социальными издержками. Среднему обывателю представляется несправедливым превышение налоговых сборов с регионального населения над бюджетными отчислениями на социальные цели.

Еще в первые годы XXI в. каталонский сепаратизм ощущался достаточно слабо. Во время опроса, проведенного в 2006 г., за независимость региона высказалось лишь 14% респондентов (Barnes, 2013). Но кризис 2008–2009 гг., во время которого безработица в регионе превысила 20%, резко активизировал его. Сепаратистское движение предоставляло хорошую возможность переложить ответственность за экономические неурядицы с местной элиты на центральные власти. К тому же резкое недовольство вызвало решение Конституционного суда об отмене в 2010 г. некоторых положений договора 2006 г. между центральными властями Испании и Женералитетом (каталонским областным правительством), предоставлявшего региону большую финансовую и административную самостоятельность.

Усилилось в последнее время сепаратистское движение и в Шотландии, где ведущая сила движения, левоцентристская ШНП (Шотландская национальная партия) восприняла образование самостоятельного государства как возможность проводить и гораздо более демократическую социально-экономическую политику в духе правительств Северной Европы (Bieri, 2014).

Именно социально-экономические мотивы обеспечили сепаратистским силам гораздо более широкую поддержку местного населения и дали возможность использовать не малопопулярные в западном мире насильственные, а легальные, демократические методы борьбы. Выразительную характеристику «нового сепаратизма» дал Б. Кагарлицкий, писавший, что «на передний план выходит сепаратизм совершенно иного рода. Никак не связанные с радикальным протестом, его представители выдвигают в первую очередь экономические аргументы и находят сторонников не среди угнетенных меньшинств, а среди среднего класса. Лидеры новых сепаратистских организаций совсем не похожи на повстанцев-подпольщиков, скрывающихся от полиции в лесах и подвалах. Напротив, они возглавляют региональные администрации, управляют многомиллионными бюджетами, заседают в парламентах и проводят с капитанами бизнеса встречи, посвященные инвестиционной привлекательности подвластной им территории. Эти движения в принципе не являются национальными, даже если иногда используют националистическую риторику. Их главная идея — защита региональных интересов, причем в первую очередь интересов финансовых» (Кагарлицкий, 2014).

В результате мощное развитие такого рода региональных сепаратизмов сделало малозначительными, отодвинуло на задний план старые, этнические сепаратистские движения — тем более, что исламистский терроризм дискредитировал в Западной Европе насильственные методы борьбы. Очень показателен в этом отношении кейс Страны Басков. Наиболее радикальная сепаратистская сила — ЭТА — отказалась в 2011 г. от вооруженных методов. Эускади (Страна Басков) стала перенимать опыт Каталонии.

Другие факторы активизации регионализма

Однако то, что сепаратизм в ряде западноевропейских стран имеет региональную основу, не означает, что этнический компонент вообще не играет здесь никакой роли. Этническая идентичность, безусловно, не только присутствует, но и усиливает, подкрепляет сепаратистские движения. Характерен в этом отношении кейс Северной Италии. Для подтверждения права этого региона на образование отдельного государства сепаратисты из Лиги Севера подняли на щит концепцию,

утверждающую, что северяне ведут свою родословную не от италиков, как южане, а от галлов и лангобардов, а, следовательно, они составляют разные нации.

Вообще историческая память о существовавших в прошлом на месте регионов, о которых идет речь, независимых государств (Шотландии — до 1707 г., Каталонии — до 1459 г.) играет очень значительную роль в развитии региональной идентичности и тем более в идеологии сепаратистских движений. Но ни эта память, ни этническая идентичность вообще оказались бы неспособны обеспечить сепаратизму такую активную массовую поддержку, какую обеспечили экономические интересы.

Есть, однако, еще один фактор, стимулирующий ограничение этнического и активизацию регионального компонента в идентитарном комплексе западноевропейских наций. Это, конечно, процесс европейской интеграции. Если раньше национальное государство было безусловной высшей инстанцией по отношению к региону, претендующему на обособление, то теперь оно перестало ею быть: само национальное государство оказалось перед лицом всего Европейского союза «одним из многих». Европейская идентичность нарушила монопольное положение национально-государственной идентичности и тем самым увеличила значимость региональной идентичности. Космополитическая наднациональная европейская идентичность сочетается с локальной, региональной (Srmava, 2014).

К тому же в Союзе получила поддержку концепция «Европы регионов» (Allum, 1995), в Европейском союзе специально созданы Комитет регионов и Конференция Европейских Регионов с их представительством, развиваются и поощряются трансграничные контакты и сотрудничество между региональными сообществами (Connolly, 2013). Так, сотрудничество Каталонии, Баден-Вюртемберга, Ломбардии и французского департамента Рона-Альпы получило наименование «Четыре мотора Европы» (Four Motors for Europe). Еще более широкими по географическому диапазону стали контакты и экономические связи внутри «Дуги Атлантического океана», в которой задействованы 22 прибрежных региона (Pantovic).

Не только интеграция и развитие «Европы регионов», но и происходящая под давлением снизу в ряде западноевропейских стран известная демократизация административного управления национальным пространством сделала возможной деволюцию — передачу части управленческих полномочий на уровень регионов. Этот процесс особенно заметен в Великобритании, Бельгии и Испании, где все регионы или их часть получили свои парламенты и исполнительные органы. В 1998 г. шотландский парламент был наделен правом изменять ставки налогов и принимать законы, определяющие внутривластную жизнь региона. Североирландский парламент также получил законодательную власть, но не право изменять налоги. Каталония, как известно, получила не только автономию, но даже свою полицию. Частью населения все это могло быть воспринято — так оно и произошло — как первый шаг по пути обретения независимости.

Независимость или автономия?

Однако такое понимание региональных интересов вовсе не является обязательным, и это чрезвычайно важный момент. Выход из национального сообщества влечет за собой не только выгоды, но и потери — прежде всего от ослабления и даже возможной утраты налаженных экономических и иных связей. Обретение Каталонией независимости, по некоторым подсчетам, может уменьшить ее

ВВП на 30%, привести к падению экспорта и удвоению безработицы (Шестернина, 2017). Кроме того, появление нового государства, территория которого прежде входила в ЕС, вовсе не означает его автоматического приема в Евросоюз. Вся сложная, многоступенчатая процедура вступления должна в этом случае начинаться заново, и брюссельская администрация неоднократно предупреждала об этом.

Поэтому далеко не все население Каталонии и других подобных регионов заинтересовано в приобретении независимости. Более того, многие сторонники сепаратистских партий и движений на деле, не являются убежденными адептами сецессии. Некоторые из лидеров сепаратистских сил, если выход будет зависеть только от их решения, могут и не поддержать сецессию. Для них требование независимости играет роль того завышенного запроса, который помогает добиваться новых уступок на пути расширения регионального самоуправления. С.М. Хенкин приводит на сей счет мнение испанского юриста Х.М. Руиса Орроа: «Если сецессия станет узаконенной возможностью, националисты хорошенько задумаются, прежде чем призывать к ней. Другими словами, законодательное закрепление права на отделение окажет демобилизующее воздействие на их требования, являющиеся в значительной степени риторическими, неискренними и шантажистскими» (Хенкин, 2013).

Можно обратиться к двум реальным и очень различным кейсам, чтобы убедиться, что сепаратные региональные интересы вполне могут быть удовлетворены широкими правами самоуправления. Первый из них — это Бавария, регион с богатой историей независимого прошлого, со своеобразной идентичностью, заметно отличающейся от остальных немецких регионов, с развитой и высокотехнологичной экономикой, обширными экономическими связями вне Германии. Она уже давно обладает широкими правами самоуправления (избираемый региональный парламент, право сбора налогов, бюджетная и законодательная власть). У Баварии есть даже своя Конституция и Конституционный суд (Конституция Баварии), не говоря уже об отдельной от ХДС Христианско-социальной партии. Но ни одна из ведущих политических сил Баварии не выдвигают претензии на полную независимость своего региона.

Другой случай — преобразованная в 1980 г. в федерацию Бельгия, где две ее основные составные части — Фландрия и Валлония — обладают такими же широкими, как Бавария, правами и уже фактически живут отдельной жизнью. Даже единое общельгийское правительство создать необычайно трудно (последний раз для этого потребовалось почти два года), и единую федеративную Бельгию фактически олицетворяет только король. Фландрия при этом не отказывается от лозунга независимости, но отделения все-таки не происходит. Вопрос не решается в основном из-за спора о судьбе Брюсселя, на который претендуют оба региона, но думается, что если бы достигнутой самостоятельности Фландрии было бы решительно недостаточно, и независимость была бы очень нужна, то вопрос был бы так или иначе решен.

Вообще по своему характеру крупнейшие сепаратистские движения во многом сходны, но по реальному развитию и результатам они весьма различны. Сказываются три разных фактора: сила и размах (масштаб) самого движения, реакция на него центральной власти и поддерживающих ее сил и, наконец, какие-либо привходящие обстоятельства, которые могут осложнять либо усиливать натиск сепаратистов.

Во Фландрии все влиятельные политические силы принадлежат к лагерю сепаратистов, в Каталонии и Шотландии сепаратистские силы одержали верх на пар-

ламентских выборах и пришли к руководству регионом. Не то в Северной Италии: влиятельная сепаратистская партия Лига Севера в масштабе всего региона (или, скорее, нескольких регионов, находящихся на Севере) не имеет поддержки абсолютного большинства. Исключением является область Венето, где сохранилась ностальгическая память о 1100-летней истории независимого существования (Ford, 2014). В 2014 г. там прошел организованный региональными властями референдум (впрочем, с конституционной точки зрения совершенно никого ни к чему не обязывающий), на котором 89% проголосовавших высказались за независимость (Гоолева, 2016). Но даже и там для получения большинства в областном парламенте. Лига Севера должна вступать в союз с другими политическими группами.

Наиболее активное в последнее время сепаратистское движение Каталонии, организовавшее 1 октября 2017 г. референдум о независимости региона, встретило мощное, прямолинейное сопротивление Центра, опиравшегося на положения испанской Конституции, которая разрешает проведение референдумов лишь по решению короля, располагающего при этом предварительным согласием правительства и национального парламента (кортесов). Не подлежит сомнению тот факт, что возмущение, вызванное этим отпором, усилило сепаратистское движение вместо того, чтобы его ослабить.

Опросы, проводившиеся незадолго до референдума, показали, что сторонники независимости составляют значительное, но все же меньшинство избирателей (порядка 35–41%) (Химшиашвили, 2017). В незаконном референдуме 1 октября приняло участие 2,3 млн. избирателей из общего числа 5,3 млн. (Catalan independence referendum, 2017). Совершенно очевидно, что воздержание от участия остальных граждан нельзя приписать только препятствиям, организованным силами переброшенных в Каталонию 10-тысячного полицейского корпуса и гражданской гвардии. Однако тот факт, что из числа прорвавшихся к избирательным урнам 90% проголосовало за независимость, позволил региональному правительству заявить о том, что каталонцы высказались за выход из состава Испании, и пойти на провозглашение независимости. В ответ на это центральное правительство объявило о применении статьи 155 Конституции, предусматривающей в ответ на незаконную сецессию приостановку автономии мятежного региона. Женералитет и другие власти Каталонии были лишены конституционных полномочий, а их дела переданы в суд.

Практически обе стороны конфликта проявили отсутствие гибкости и договороспособности, которое завело ситуацию в тупик. Вероятно, события развивались бы иначе, дело не дошло бы до уличных столкновений и сотен пострадавших, если бы у правительства имелись альтернативные предложения, различные компромиссные варианты расширения каталонской автономии. После событий 1 октября и последующих дней уговорить каталонских лидеров сесть за стол переговоров стало значительно труднее. Не оправдались и упования на посредничество руководства ЕС, отказавшегося от «вмешательства во внутренние дела Испании».

Тем не менее отличия современного западноевропейского сепаратистского движения, опирающегося на легальные средства борьбы, все-таки сказались. В ответ на репрессивные меры испанских властей каталонские сепаратисты в лице К. Пучдемона призвали своих сторонников не к вооруженному отпору, как это сделали бы сецессионисты старого закала, а к активному использованию досрочных региональных выборов, назначенных правительством.

На выборах сепаратисты снова получили большинство, и в этом надо видеть реакцию каталонского общественного мнения на жесткие меры правительства Рахоя. Но сформировать новое каталонское правительство оказалось нелегко, так как многие лидеры сепаратистов находятся в тюрьме или, как Пучдемон, за пределами Испании. В этих условиях даже Пучдемон был вынужден выступить за переговоры с центральным правительством, исход которых по состоянию на начало 2018 г. совершенно неопределен.

Гораздо более гибко, чем испанские власти (и это не удивляет, если принять во внимание различие исторического опыта двух стран) повели себя в столкновении с попытками восстановить независимость Шотландии, утраченную в XVIII в., власти Британии. Сопrotивление планам шотландских сепаратистов там также сильное, но более гибкое и маневренное. Центральное правительство, в отличие от Испании, разрешило в 2014 г. проведение референдума о независимости. В Шотландии довольно сильны общенациональные партии — консервативная и лейбористская, выступающие за сохранение единства. Во время референдума большинство (55%) высказалось против выхода из Великобритании (Scottish independence referendum, 2014). При этом на общенациональном референдуме об отношениях с Европейским Союзом шотландцы высказались против Брексита.

Под влиянием исхода общенационального референдума областное правительство Шотландии объявило о необходимости сецессии своего региона, для чего нужен новый референдум. Однако на прошедших после этого общенациональных выборах сепаратистская Шотландская национальная партия потеряла значительную часть голосов, что подтверждает инструментальный характер ее поддержки со стороны части населения, стремящейся реально не к выходу из состава Великобритании, а к увеличению самостоятельности региона, для чего и служит, с ее точки зрения, сепаратистская сила.

Наконец, существует еще один вариант развития событий. В политическом мире сепаратистское движение «неизбежно оказывается вплетенным в систему целеполагания и действия, основанную на ценностях, интересах, принципах, доктринах другого порядка, другой природы...» (Нарочницкая, 2015). В Италии Лига Севера, не получив удовлетворяющей ее поддержки даже в северных областях, в поисках ее расширения обратилась к популярным антииммигрантским и антиинтеграционным мотивам, которые в значительной мере отвлекли ее от сепаратистских требований, но зато выдвигание лозунга федерализации позволило ей получать электоральную поддержку и на Юге.

Исходя из всего сказанного (а также из факта ожесточенного сопротивления, оказываемого сепаратизму национальными государствами и ясно выраженного негативного отношения к сецессионистским движениям со стороны администрации ЕС), можно предположить, что итогом действий сепаратистских сил в обозримом будущем скорее всего станет не раскол существующих государств и образование новых, а движение к последовательному осуществлению принципа субсидиарности, усиление процессов деволюции. Их результаты, видимо, будут различны в разных случаях. Конечно, при этом совсем исключить радикальный, сецессионистский вариант невозможно — тем более, что существует такой фактор, как возможные ошибки центральных правительств в ходе очень непростой борьбы и эмоциональная реакция населения на эти ошибки.

Уроки Каталонии

Естественно, существует взаимозависимость процессов, происходящих в сепаратистском движении разных стран. Нет сомнения, что шотландские или фламандские сепаратисты внимательно следят за развитием событий в Каталонии. Еще более пристально наблюдают за ними в Стране Басков и других автономных областях самой Испании. Успех каталонских сторонников независимости, конечно, стимулировал бы активность такого же рода в других непокорных регионах, во всяком случае на первых порах — до выявления связанных с новоиспеченной независимостью осложнений. Но не так просто ответить на вопрос о возможном влиянии произошедшей неудачи.

При оценке причин поражения сторонников независимости велик соблазн отнести эти причины за счет специфических особенностей Испании — жесткости имперских традиций, несовершенства конституции, пережитков франкистского централизма, слабости и ошибок руководителей региона. «Мы сделаем лучше» — таков возможный вывод некоторых участников сецессионистского движения из других стран. Однако более трезвые головы в сепаратистском лагере, несомненно, должны более внимательно отнестись ко всем сложностям на пути к независимости, да и после ее достижения. Даже если допустить, что нынешняя непримиримая позиция администрации ЕС относительно непризнания автоматического приема отколовшихся регионов в Союз в будущем может смягчиться, это далеко не единственная проблема, которая неминуемо встанет перед новым государством. Из этих проблем первейшая — сохранение прежних экономических связей или компенсация их ослабления, а то и разрыва, очень непростым процессом налаживания новых.

Как бы то ни было, наличие экономических интересов в сепаратистском сообществе будет располагать к более трезвой и взвешенной оценке плюсов и минусов непримиримой позиции по отношению к лозунгу независимости. Нет, сепаратистское движение не прекратится. Но доля сторонников инструментального подхода к нему значительно увеличится.

Сепаратисты и сецессионисты

Все сказанное заставляет меня предложить свою трактовку понятий «сепаратизм» и «сецессионизм», во многом совпадающую с мнением видного специалиста по этим вопросам Ф.А. Попова (Попов, 2012). В российской научной литературе преобладает термин «сепаратизм», в зарубежной оба термина существуют на равных правах. Между тем только сецессионизм, с моей точки зрения, должен означать стремление последовательно, до конца, бороться за независимость, выход из состава национального государства.

Сепаратизмом же, по моему мнению, должно именоваться широкое движение, в котором участвуют как сторонники сецессии, к которым относятся, в частности, сторонники радикальных левых и правых партий, так и гораздо более умеренные борцы за обособление региона, увеличение — возможно, до очень широких пределов — его автономии в составе национального государства. В ходе борьбы в тактических целях они могут поддерживать слоган независимости. В существующем ныне в нескольких западноевропейских государствах движении присутствуют как сепаратисты, так и сецессионисты, но пока реальный перевес в большинстве случаев находится еще на стороне первых.

О чем же свидетельствует нынешний процесс усиления сепаратистского движения в ряде западноевропейских стран? Вряд ли справедливо считать его свидетельством начавшегося дробления национальных государств. Но скорее всего неправы и те, кто, ссылаясь на проявившуюся в последнее время среди членов ЕС тенденцию к усилению протекционизма и охране своего суверенитета, считает вероятным попятное движение от европейской интеграции к замыканию в пределах национальных государств. Сепаратистские движения вместе с центробежными импульсами, наблюдающимися в Европейском союзе, свидетельствуют о нарастающем процессе дифференциации, увеличении многообразия уровней управления и организации политического пространства. Этот процесс является частью реакции местных сообществ на происходящую глобализацию: каждый мегаполис, каждый регион отвечает на нее поисками своей субъектности через утверждение своей идентичности, будь то идентичность этническая, экономическая или чисто региональная. Происходящее усложняет, но отнюдь не останавливает развитие европейской интеграции.

Библиографический список

1. Баранов, А. В. (2015). Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии. *Человек. Сообщество. Управление*, 1 (16), 78–90.
2. Гоголева, В. А. (2016). Сепаратизм в Италии: карнавал движений за независимость. *Дневник АШПИ*, 32, 114–120.
3. Горовиц, Д. (2013). Разрушенные основания права сецессии. *Власть*, 11, 181–191.
4. Кагарлицкий, Б. (2014, October 31). Развод по расчету. *Lenta.ru*. Retrieved from <http://lenta.ru/articles/2014/10/30/separatism/>
5. Конституция Баварии. Конституции государств мира. Режим доступа Worldkonstitutions.ru/?p=186
6. Нарочницкая, Е. А. (2015). Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности. *Актуальные проблемы Европы*, 1, 32–55.
7. Попов, Ф. А. (2012). *География сецессионизма в современном мире*. Москва: Новый хронограф.
8. Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука.
9. Хенкин, С. М. (2013). Испания: испытание Каталонией. Перспективы. *Фонд исторической перспективы*. Режим доступа www.perspektivy.info/print.php?ID=173705
10. Химшиашвили, П. (2017). Испанское государство «проиграло»: как проходил референдум в Каталонии. Режим доступа <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2017/59d0bc9d9a794759af2b8df3>
11. Шестернина, Е. (2017). Объявление независимости для Каталонии невыгодно, считают в Испании. Режим доступа <https://ria.ru/world/20170929/1505826952.html>
12. Шохина, А. А., Петрович-Белкин, О. К. (2014). Экономический сепаратизм в государствах ЕС. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2, 85–92.
13. Allum, P. (1995). *State and Society in Western Europe*. Oxford: Polity.
14. Barnes, R. (2013, January 10). Basque and Catalan Nationalism: An Evolution. *Fair Observer*. Retrieved from <https://www.fairobserver.com/region/europe/basque-and-catalan-nationalism-evolution/>
15. Bieri, M. (2014, September). Separatism in EU. *CSS Analyses in Security Policy*, 160. Retrieved from www.css.etz.ch/publications/pdfs/css.Analyse_160-EN.pdf
16. Catalan independence referendum (2017). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Catalan_independence_referendum_2017

17. Connolly, C. K. (2013). Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union. *Duke Journal of Comparative and International Law*, 51–105.
18. Ford, M. (2014, March 24). Europe's Latest Secession Movement: Venice? *The Atlantic Daily*. Retrieved from <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/03/europes-latest-secession-movement-venjujktice/28456>
19. Four Motors for Europe. Retrieved from <http://www.4motors.eu/?lang=en>
20. Pantovic, A. The Economic Impact of the European Union on Subnational Separatist Movement. Retrieved from viewcontent.cgi?article=1173&context=honr_theses
21. Scottish independence referendum (2014). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Scottish_independence_referendum_2014
22. Srmava, T. (2014, March 5). A Problem of European Identity? Separatist Movement in the EU. *Project for Democratic Union*. Retrieved from www.democratieunion.eu/2014/03/problem-european-identity-separatist-movements-eu

Статья поступила в редакцию 15.01.2018

Статья принята к публикации 20.02.2018

Для цитирования: Холодковский К.Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI века. – *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 2. С. 27–37.

SEPARATISM IN WESTERN EUROPE: A XXI CENTURY PERSPECTIVE

K. G. Kholodkovsky

Kirill G. Kholodkovsky, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya Str., 23. E-mail: holgrig@mail.ru

Abstract. The author analyses dissimilarities between contemporary separatist movements in several Western European countries and those that developed there in the XX century, with special attention to what differs Western European phenomena from separatism in Eastern Europe and other regions of the world today. In the greater part of the contemporary world including Western Europe, separatism was in the past a radical and often armed protest, but today it has acquired mass support and democratic characteristics and resorts to parliamentary political methods. Contemporary separatism in Western Europe has regional interests rather than ethnic roots at its core. Several regions (Catalonia in Spain, Flanders in Belgium, and some regions in Northern Italy) are ahead in social and economic development in comparison with the other parts of their respective countries, and they seek to get rid of the burden of responsibility to support the least developed regions. The legal democratic character of separatist movements and their mass support, which is of a much higher level than the support for radical separatism in the past does not mean, however, that all those involved really aspire to leave the present state and to opt for new statehood. It is more likely that in the future the majority will be satisfied with a considerable expansion of regional autonomy, on condition that the central government does not provoke the radicalization of these sentiments through its own rigid politics, as is happening at present in Spain. Therefore, a distinction must be drawn between secessionism aimed at gaining independence and new statehood, and separatism calling for independence but ready to be satisfied with a wider autonomy within the boundaries of the existing state.

Key words: separatism, secession, self-determination, ethnic problems, Catalonia, Scotland, Flanders, level of development, regional problems, autonomy.

References

1. Allum, P. (1995). *State and Society in Western Europe*. Oxford, Polity.
2. Baranov, A. V. (2015). Separatism v sovremennoi Italii: factory razvitija, institucionalizacija, politicheskie strategii [Separatism in Contemporary Italy: Development Factors, Institutionalization and Political Strategies]. *Human. Community. Management*, 16 (2), 84.

3. Barnes, R. (2013). Basque and Catalan Nationalism: An Evolution. *FairObserver*. Retrieved from fairobserver.com/region/europe/basque-and-catalan-nationalism-evolution
4. Bieri, M. (2014). Separatism in EU. *CSS Analyses in Security Policy*, 160, Sept. Retrieved from www.css.etz.ch/publications/pdfs/css_Analyse_160-EN.pdf
5. Catalan independence referendum (2017). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Catalan_independence_referendum_2017
6. Connolly, C. K. (2013). Independence in Europe: Secession, Sovereignty, and the European Union. *Duke Journal of Comparative and International Law*, 24, 51–105.
7. Ford, M. (2014, March 24). Europe's Latest Secession Movement: Venice? *The Atlantic Daily*. Retrieved from <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/03/europes-latest-secession-movement-venjuktice/28456>
8. Four Motors for Europe. Retrieved from <http://www.4motors.eu/?lang=en>
9. Gogoleva, V. A. (2016). *Separatism v Italii: carnaval dvizhenii za nezavisimost'* [Separatism in Italy: Carnival of Movements in support of independence]. Retrieved from <http://politnauka.livejournal.com/322321.html>
10. Gorovitz, D. (2015). Razrushennyje osnovaniya prava secessii [Ruined Foundations of Secession Law]. *Vlast'* [Power], 1, 181–191.
11. Kagarlitskii, B. (2014, October 31). Razvod po raschjoty [Economic Divorce]. *Lenta.ru*. Retrieved from <http://lenta.ru/articles/2014/10/30/separatism/>
12. Khenkin, S. M. (2013). Ispanija: Ispytanie Kataloniei [Spain: Testing via Catalonia]. *Perspectives. Historical Perspective Fund*. Retrieved from www.perspektivy.info/print.php?ID=173705
13. Khimshiashvili, P. (2017). Ispanskoje gosudarstvo "proigralo": kak prokhodil referendum v Katalonii [The Spanish State "has lost": the way the Referendum was taking place in Catalonia]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2017/59d0bc9d9a794759af2b8df3>
14. Konstitucija Bavarii (Federal'naja zemlja FRG) [Konstitutsii gosudarstv mira]. Retrieved from Worldkonstitutions.ru
15. Narochitskaja, E. A. (2015). Mnogoobraznui separatizm: problema tipologii i evropeiskoi real'nosti [Diverse Separatism: Typology and European Reality Aspect]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe]. 1, 32–55.
16. Pantovic, A. The Economic Impact of the European Union on Subnational Separatist Movement. Retrieved from viewcontent.cgi?article=1173&context=honr_theses
17. Popov, F. A. (2012). *Geografija secessionizma v sovremennom mire* [Dissemination of Separatism in the Contemporary World]. Moscow: Novyi Chronograf Publ.
18. Scottish independence referendum (2014). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Scottish_independence_referendum_2014
19. Shesternina, E. (2017). Declaration of Independence for Catalonia is Unprofitable, acc. to Spain. Retrieved from <https://ria.ru/world/20170929/1505826952.html>
20. Shokhina, A. A. & Petrovich-Belkin, O. K. (2014). Ekonomicheskii separatizm v gosudarstvakh ES [Economic Separatism in EC member States]. *Vestnik: International Relations*, 2, 86.
21. Srmava, T. (2014, March 5). A Problem of European Identity? Separatist Movement in the EU. *Project for Democratic Union*. Retrieved from democratieunion.eu/2014/03/problem-european-identity-separatist-movements-eu
22. Tishkov, V. A. (2003). *Requiem po etnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos. Research into Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka Publ.

For citation: Kholodkovsky K.G. Separatism in Western Europe: A XXI Century Perspective. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 2. P. 27–37.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).